

УДК 930+94(470)''19''

КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ПОКАЗУХА. ЗАМЕТКИ О КНИГЕ «МЕЖДУ КАНУНАМИ. ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РОССИИ ЗА ПОСЛЕДНИЕ 25 ЛЕТ» (ПОД РЕД. Г.А. БОРДЮГОВА. М.: АИРО–XXI, 2013. – 1520 С. 1000 ЭКЗ.)

В. П. Булдаков

РАН, Институт российской истории, г. Москва, Россия

В обзоре показано, как большой сборник историографических статей превратился в рекламную акцию практически не существующего сообщества российских историков. В одном томе были объединены целых три уже издававшихся книги. В результате получилась беспорядочная мешанина из немногих содержательных и преобладающих слабых статей. При этом в книге смешивается деятельность профессиональных историков и любителей «тайн истории». Тем не менее, редактор сборника попытался на этой зыбкой основе вывести некоторые закономерности развития исторической науки, исторического сознания и исторической мифологии в современной России. Эти усилия следует признать безуспешными, поскольку большинство авторов не обладало должной профессиональной подготовкой для решения поставленных задач. Удачными оказались лишь отдельные статьи.

Ключевые слова: история России, власть, историческое сознание, историография, мифология, конспирология, книгоиздание.

Не часто встретишь книгу в полторы тысячи страниц (вес почти в 2, 5 кг!) да ещё с таким странноватым названием. Оказывается, создать её не столь трудно, если собрать под одной обложкой три издававшихся в разное время сборника статей. Но стоит ли её создавать (не имея в виду книгу рекордов Гиннеса), если данная продукция частично уже рецензировалась?

В некоторых случаях стоит. Если, к примеру, одни и те же авторы (или их сообщества) с интервалами

в несколько лет (лучше через десяток) представляют свой взгляд на исследовательские подвижки по *определённым* темам, обозначив тем самым навигаторские вехи движения исторической мысли. В данном случае эту задачу удалось решить лишь частично. Получился не агрегированный продукт, а скорее, разбухший сборник статей. Нечто подоб-

ное с частью данного авторского коллектива уже случалось¹.

Инициатор и редактор данного издания Г. А. Бордюгов в предисловии поясняет: между «канунами» (началом перестройки и Годом российской истории) отечественная Клио переживала «неимоверные перегрузки» (С. 16). Тезис не бесспорный. Всякую интенсификацию исследовательского процесса (не путать с околонуточной суетностью) можно только приветствовать. Что касается внешних «стимуляторов» этого процесса в виде юбилеев и тем более «канунов», то их последствия сказываются (если сказываются!) позднее, причем далеко не всегда они смотрятся положительно.

По большому счёту профессию историка нельзя признать социально вдохновляющей, ибо «золотого века» не было и не будет, а героическое в истории слишком основательно перемешано с трагическим. Историк неполиткорректен по определению, ибо вольно или невольно вынужден напоминать политикам об их «близорукости». История не может быть описана чисто позитивистскими методами, а между тем, человек склонен к усвоению простейших причинно-следственных зависимостей. Так стоит ли натягивать на себя тогу «мученика за профессию» и взбираться на котурны трагика? И что такое «перегрузки» историка в сравнении с грузом, говоря слова-

ми Ф. Ницше, «потаенных ужасов эпох»?

В цехе историков встречаются случаи исследовательской одержимости, но преобладает упорное корпение над одной темой. Глядя на это, порой возникает своего рода историографический зуд – желание растормошить «ремесленника». Это неизбежно и даже полезно. Но подобные акции будут плодотворными, если претендент на переосмысление деяний своих коллег преуспел в конкретно-исследовательской деятельности, не утратив при этом самокритичности.

В некотором смысле историография (особенно в её советской ипостаси) – нечто не вполне естественное в чередовании обществоведческой специализации. В прошлом этим занимались либо люди, приближенные к начальству (не столько к научному), либо специалисты, написавшие не одну монографию. Догадки и откровения приходили не часто – обычно после десятилетней работой над темой. Историческое знание инерционно уже в силу того, что нечастая смена познавательной парадигмы происходит либо в силу открытия новых пластов источников, либо тотальной реактивации старых. Однако в годы позднего застоя, когда движение исторической мысли оценивалось по принципу «от съезда к съезду» (КПСС) историографические опусы расплодилось: их авторы приводили длинные перечни отечественных «достижений», изыскивая заодно западных «фальсификаторов». И тогда под одной обложкой появлялись целые собрания аннотаций (а то и простых списков) книг и ста-

¹ См. мнение П. Ю. Уварова о книге «Научное сообщество историков России: 20 лет перемен» (М.: АИРО–XXI, 2011) // Российская история. 2013. № 1. С. 4. Rossiiskaya istoriya, 2013, № 1, S. 4.

тей по той или иной теме, связанных разве что стремлением угодить «кому следует». Историографическую продукцию такого рода исследователи обычно игнорировали. Но современная наука, как известно, не столько эвристична, сколько инерционна. В перестроечные годы эстафету матёрых «историографов» перехватили молодые авторы, которым смертельно надоело прогрессирующее окостенение научной мысли. С тех пор потребность в критической оценке историографического процесса не уменьшилась.

Независимый взгляд на движение исторической мысли необходим. Сколь бы амбициозную цель не ставил перед собой историк, двигаться к ней приходится медленно и даже осторожно, всякий раз оглядываясь назад, дабы не попасть впросак. Какова «рутинная» специфика осмысления обильной и, вместе с тем, смутной информации. И нужны своеобразные энциклопедии, точнее *vedetecum*'ы – особенно по ключевым темам, вроде энциклопедии Французской революции² ли недавно изданной на русском языке «Энциклопедия Октябрьской революции»³.

Но можно ли добиться сходного эффекта, используя традиционный историографический жанр? Г. Бордюгов, как видно, считает,

² Furet F., Ozouf M. *The Critical Dictionary of the French Revolution*. Cambridge, 1989.

³ Актон Э., Розенберг У. Г., Черняев В. Ю. *Критический словарь русской революции: 1914–1921*. СПб., 2014.

Akton E., Rozenberg U. G., Chernyaev V. Yu., *Kriticheskii slovar' russkoi revolyutsii: 1914–1921*, SPb., 2014.

что можно, следуя «перестроечной» стезе, намеченной некогда вместе с В. А. Козловым⁴. Напомню, в 1980–1990-е гг. они призвали заполнить «белые пятна» советской истории, выступив против страшного врага в лице политической конъюнктуры. К слову сказать, практика написания сочинений на заданную тему под диктовку власть предержащих действительно изъела к тому времени плоть исторических исследований. Избавиться от такого рода «конъюнктуры» действительно было необходимо – хотя бы ради спасения престижа профессии. Но в то время люди, взывавшие к «очищению» науки, сами невольно оказывались в роли новой генерации конъюнктуристов.

Впрочем, дороги соавторов неожиданно разошлись. В. Козлов действительно преуспел в заполнении «белых пятен» советской истории, выпустив несколько блестящих и даже сенсационных конкретно-исследовательских книг⁵. А

⁴ См.: Бордюгов Г. А., Козлов В. А. *История и конъюнктура: Субъективные заметки об истории советского общества*. М., 1992.

Bordyugov G. A., Kozlov V. A., *Istoriya i kon'yunktura: Sub"ektivnye zametki ob istorii sovetskogo obshchestva*, M., 1992.

⁵ См.: Козлов В. А. *Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев (1953 – начало 1980-х гг.)*. Новосибирск, 1999; *Его же. Где Гитлер? Повторное исследование НКВД-МВД обстоятельств исчезновения Адольфа Гитлера*. М., 2002.

Kozlov V. A., *Massovye besporядki v SSSR pri Khrushcheve i Brezhneve (1953 – nachalo 1980-kh gg.)*, Novosibirsk, 1999; Kozlov V. A., *Gde Gitler? Povtornoe*

Бордюгов решил закрепиться в «старо-новом» (используя его же «оговорку по Фрейду») амплуа. Он принялся замерять новую «конъюнктуру» (то ли политическую, то ли рыночную) и «условия» (работы историков) и подбирать «темы», «подходы» и «методы познания» (именно так маркируются разделы сборника), способные сформировать достойное, по его представлениям, лицо исторической науки.

Всякому историку, вроде бы, не до «конъюнктуры» – погруженность в прошлое не оставляет на это времени. Но как быть целой генерации авторов, которые всё ещё не научились писать без оглядки на неё?

Историографу следовало бы, прежде всего, рассказать о том, как работают современные историки с «новыми» и «старыми» источниками. В связи с этим уместнее выделить то, что сделано *вопреки* конъюнктуре (которая никогда не будет благоприятной). Увы, уже в оглавлении тома бросается в глаза нарастание слезливости по поводу бед отечественной Клио, якобы замученной внешними обстоятельствами. Особенно это заметно во 2-й и 3-й её частях (в прошлом, как отмечалось, целых книгах). Первой из них, по причинам, которые будут понятны позже, я не стану касаться.

К слову сказать, условия работы историка действительно становятся все более «своеобразными». Его вклад «в науку» (а в будущем и зарплату) берутся определять бюрократы соответственно чужерод-

ным рейтингам, позволяющим (при известной сноровке) нагонять свои «достижения» до заоблачных высот. Теперь всё дело в количестве «замеченной» и «замеренной» продукции, а вовсе не в её качестве. Впрочем, над российской Клио проделывали и не такие эксперименты.

Из 64 статей данного сборника пресловутой конъюнктуре посвящено 18 статей, причём 10 из них – в статьях последнего блока. Но стоило ли поминать её всеу, если уже народилась очередная генерация авторов, усвоивших *что, как и для кого* писать?

Бордюгов настаивает: историк вновь стоит перед «новым-старым» – гамлетовским? – выбором. Ситуацию он видит так: к 2012 г. власть снова попыталась навязать своё видение прошлого, а лейб-историки тут же предложили ей свои медвежьи услуги... вопреки предостережениям (внимание!) президента В. В. Путина (С. 917–918). Вероятно, надо быть очень внимательным к «политико-историографической» ситуации, чтобы уловить столь тонкие нюансы. Вот это и есть всё та же конъюнктура.

Всякая власть – особенно авторитарно-патерналистская – стремится к приватизации истории народа, хотя изобретательности для этого всегда не хватает. Но ситуацию порой «спасает» сервильность некоторых авторов, способных «ненавязчиво» напомнить о существовании единственного лица, достойного трактовать прошлое. Себя они, вероятно, видят в роли главного его консультанта. Между тем, у нор-

issledovanie NKVD-MVD obstoyatel'stv ischeznoveniya Adol'fa Gitlera, M., 2002.

мального историка выбора не бывает – его профессия *sui generis* предполагает противостояние любым манипуляциям с прошлым.

Впрочем, демонстративные сомнения Бордюгова развеял его давний соавтор Д. А. Андреев, откровенно пояснивший, что, поскольку исторические представления окончательно превратились в товар, имеющий рыночную стоимость, то и терзаться не стоит. Если «жить – значит потреблять», то в нынешнем историографическом Вавилоне историку важно возделывать свой личный «аллод», дабы выгоднее продать возвращенный урожай (С. 1462–1463). Вообще-то именно так всегда поступал Бордюгов. С той лишь разницей, что «продавал» не свой, а чужой продукт – под вывеской АИРО (Ассоциация исследователей российского общества) – сообщества чисто виртуального (хотя некоторые склонны видеть в его потугах «шаг на пути самоорганизации» историков⁶). Большинство его «членов» оказалось в рядах АИРО, стремясь побыстрее, без излишних формальностей опубликовать монографию ради вождельной защиты докторской диссертации. После этого их мобилизовали на коллективные деяния. Встречаются среди аировцев и самодеятельные изобретатели сенсаций – с ними и того проще.

Обратимся, однако, к содержанию сборника. Он получился пёстрым: немногие яркие статьи теряются серых, а то и косноязычных текстов с режущими глаз назва-

ниями. Комплексного анализа всей продукции по истории XX в. не получилось. Зато бросается в глаза внимание к учебникам по истории. Но здесь проблемы, как показала Т. А. Филиппова, нет: этактизованность нашего сознания не могла обернуться тяготением к единому назидательному «учебнику жизни», отвечающего общественному запросу на «вдохновляющие» образы и фигуры прошлого (С. 947, 954). О чём спорить?

Из собственно исследовательских тем периодически всплывает в сборнике проблематика российской власти, империи, Гражданской войны и репрессий. Часто вспоминают авторы и Великую Отечественную войну, и аграрную проблематику. В 1996–2002 гг. довольно много писали о политических партиях, но в 2003 – 2012 гг. соответствующие сюжеты практически исчезли. Прочие темы всплывают спонтанно. Проблематика революции, появившаяся в 1997 г., элиминировалась: то ли авторов не нашлось, то ли писать рискованно. Пропала и личность последнего императора: стоит ли высказываться о нём на фоне официозной аполлогетики? А такие темы как «военный коммунизм», интеллигенция, Первая мировая война, оказались причудливо перемешаны со статьями о конспирологии, гендере, религии и прочая, прочая. В общем, «всякая всячина».

Встречаются весьма любопытные тексты. Связаны они, как правило, с феноменом власти в России. Показательна статья Д. А. Андреева, название которой звучит торжественно: «Власть: механизмы и режимы». Здесь представлен обзор

⁶ Российская история. 2013. № 1. С. 12.

Rossiiskaya istoriya, 2013, № 1, S. 12.

поистине фантазийных гаданий относительно этого метафизического моносубъекта российской истории (С. 523–553). Вслед за тем о кратологических таинствах России берутся порассуждать всё тот же Д. А. Андреев и В. Б. Прозоров в статье «Конспирология и эсхатология на рубеже миллениумов» (С. 554–574). Непонятно, зачем понадобилось связывать конспирологию с эсхатологией, к чему соединять предрассудки и «высокие» материи и стоит ли подводить «эпистемологическую» базу под обывательское недомыслие и коммерческий расчёт? И стоило ли утверждать, что «заговорщическая» тематика (в том числе и связанная с пресловутыми масонами) в российской историографии успешно изжита (С. 556), если нарастает прямо противоположная тенденция? Не проще ли признать, что в России конспирологический бум всякий раз подстёгивается кризисами позитивистской мысли, в принципе бессильной при анализе синергетических процессов. Ведь неслучаен давний кульбит П. Н. Милюкова, сдавшего свои аналитические позиции призраку масонства. А нынешняя «растерянность перед прошлым» связана с ощущением социальной бесперспективности.

Во времена всеобщей дезориентированности особенно хочется предстать «умудренным». Как этого добиться? М. М. Кром в уже не новой статье «Отечественная история в антропологической перспективе» высмеял попытки поднять уровень «научности» своих писаний, манипулируя таким «модным» понятием, как менталитет (С. 578–

580). Остаётся добавить, что с тех пор терминологические изыски интенсифицировались. Без концептов и концепций иные наши обществоведы что инвалид без костылей.

Конечно, очень хочется найти новую тему и сделать её «своей». Вероятно, в связи с этим Т. Ю. Дашкова обстоятельно описала приключения гендерной тематики (С. 597–636). И тут с явным запозданием вскрылся «секрет Полишинеля»: за модой на гендер таился прозаический феминизм, российская «история женщин» носила эпигонский характер, собственно гендерная история России, по мнению автора, так и не сложилась. На сегодняшний день положение, похоже, не улучшилось.

Заметно и стремление к перелицовке прежних представлений. А. Ю. Бахтурина, пытаясь осмыслить феномен имперской государственности, склоняется к тому, что Россию следует считать «особой империей» (С. 640–641). Происхождение этой «патриотической» версии понятно, известно, однако, что современные исследователи всё чаще подходят к империи проще – «большая страна», то есть заведомо уникальное пространство. Автор пытается осветить подходы историков к этнополитике и этноконфликтности. И здесь неожиданное «открытие»: оказывается, на этой стезе преуспел Бордюгов (С. 650). Странно! Со времени появления его единственной упомянутой статьи прошло полтора десятка лет, а нового в содержании не прибавилось.

Эстафету имперской истории подхватила С. В. Лурье (С. 1293–1309). Она связывает империю с

гетерогенностью внутреннего наполнения (нация, напротив, гомогенна. – В. Б.) (С. 1299). Противопоставление сомнительно: субстанции, лежащие в основе империи и нации, не остаются неизменными. А потому не проще ли при подходе к империи (по аналогии с нацией) отдавать предпочтение воображаемому, а не реальному?

Интересно читать и статьи Б. В. Соколова, способного «оживить» любую тему, будь то история в кино и на телевидении (С. 971–1016) или история Второй мировой войны (С. 1205–1229). Правда, всякий раз сомневаешься: где кончается исследуемая реальность, а где начинаются авторские фантазии? Но это в духе времени. Если существует спрос на «тайны мадридского двора», то можно затеять хоровод вокруг соответствующих сюжетов.

Конечно, наши представления о прошлом более чем несовершенны. Патернализм и автаркия консервируют инфантильность сознания. Детская привычка российских элит воспринимать происходящее исключительно в рамках политической истории ограничивает эвристические возможности. Отсутствие гражданского общества сдерживает изучение прошлого с позиций культурно-антропологической истории.

Неувядающая вера в заговоры «могущественных» сил неслучайна. Советская система, загнав человека в своего рода ксенофобскую пещеру, заставила его поверить, что против него ополчились все мыслимые враждебные силы⁷. Оте-

⁷ См.: Рейли Д. Советские бэйби-бумеры. Послевоенное поколение

чественную конспирологию посвоему подпирает и нынешний «пост-марксистский» позитивизм с его простейшими, статистически «подтверждаемыми» причинно-следственными зависимостями. К примеру, В. А. Никонов в книге о «крушении России» подвёл читателя к мысли о тотальности революционного заговора против невинного русского царя⁸. А как иначе, если других объяснений не нашлось у известных мемуаристов? (Тот факт, что распознать динамику хаоса, находясь внутри его, интеллектуалам, привыкшим к иным условиям работы, довольно трудно, а «решающее» объяснение предложить надо, его не смущает). Вдобавок собственная аналитика застопорилась. Тем не менее, О. Ю. Голечкова в статье о якобы новых подходах к феномену власти в России «открытия» Никонова воспринимает всерьез (С. 1019). Стоило бы ей вспомнить и других «новаторов». Ещё ранее О. Р. Айрапетов, следуя нашей навязчивой привычке задаваться младенческим вопросом «Кто виноват?», обвинил в крушении монархии «генералов, либералов и предпринимателей»⁹. И это

рассказывает о себе и о своей стране. М., 2015. С. 214–226.

Reili D., *Sovetskie beibi-bumery. Poslevoennoe pokolenie rasskazyvaet o sebe i o svoei strane*, М., 2015, S. 214–226.

⁸ Никонов В. А. Крушение России. 1917. М., 2011. С. 899–901, 906.

Nikonov V. A., *Krushenie Rossii. 1917*, М., 2011, S. 899–901, 906.

⁹ См.: Айрапетов О. Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию. 1907–1917. М., 2003.

не предел. Насаждаемые ныне представления о революциях как об эманациях инфернального зла выводят любителей исторических страшилок на такой оперативный простор, о котором ранее и мечтать не приходилось.

Похоже, что Голечкова попросту рекламирует понимание исторической ритмики власти в России, предложенное Андреевым и Бордюговым: от застоя к мобилизационному рывку и обратно, причём стагнация – это способ существования элиты, а мобилизация – оптимальный режим деятельности правителя (С. 1021). Вообще-то ситуация обычно оказывалась прямо противоположной: российская система изначально тяготела к застою, а православный правитель выступал не только гарантом, но и сакрализующим его воплощением. Появлялись, конечно, и «революционеры на троне» (срабатывал инстинкт самосохранения авторитаризма). Однако «кратологи», представленные в сборнике, предпочитают видеть во власти перманентно активную силу российской истории, окруженную «врагами» – так, конечно, удобнее жить.

На этом фоне многозначительно смотрится статья С. Г. Антоненко «Мир веры и мир истории: “параллельные” вселенные или “сталкивающиеся миры”»? Автор ставит ключевой (не только для историков религии) вопрос о соотношении веры и истины в творческих установках исследователя. Но критический потенциал статьи определяется

Airapetov O. R., *Generaly, liberaly i predprinimateli: rabota na front i revolyutsiyu. 1907–1917*, М., 2003.

другим: многие светские историки в наше время неожиданно «воцерковились». В результате появилось немалое число работ, живописующих якобы непоколебимую «симфонию» светской (авторитарной) и духовной власти в дореволюционной России. То, что на деле ситуация была прямо противоположной¹⁰, их не смущает.

Создаётся впечатление, что авторы части сборника, относящейся к 1996–2002 гг., получили в своё время особое задание: сориентироваться в стихии меняющихся исторических представлений. Этому посвящены по-своему любопытные, хотя и событийно устаревшие статьи И. М. Каспэ «Представление истории и представления об истории в русском Интернете», Н. Д. Потаповой «Историческая периодика: ситуация языкового выбора», Н. И. Дедкова «Проблема учебника истории» и А. В. Короленкова «Динамика книжных изданий по истории и структуры чтения». Особых открытий они не содержат: сетевые представления об истории напоминали (и напоминают) барахолку, историческая периодика переживала не лучшие времена, чита-

¹⁰ См.: Леонтьева Т. Г. Вера и прогресс: Православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М., 2002; Бабкин М. А. Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г.). М., 2007.

Leont'eva T. G., *Vera i progress: Pravo-slavnoe sel'skoe dukhovenstvo Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.*, М., 2002; Babkin M. A., *Dukhovenstvo Rus-skoi pravoslavnoi tserkvi i sverzhenie monarkhii (nachalo XX v. – konets 1917 g.)*, М., 2007

тели всё больше ориентировались на «чтиво», а среди книжных издательств лидировали поставщики «попсы». Сегодня ясно, что в связи с этим можно было ожидать ажиотажного спроса на единый учебник, однако предугадать это авторам сборника не удалось.

Тема «Условия и среда» работы историков нашла продолжение в блоке статей 2003–2012 гг. Так, В. Э. Молодяков взялся анализировать «историческую политику российской власти» и признал её неудовлетворительной (С. 922–942). Трудно назвать это открытием. При этом автор не удержался от восхваления Г. Бордюгова, который, оказывается, совершил своего рода историко-идеологическое открытие: Сталин «поделился своей харизмой» с Путиным (С. 930).

К «структурам чтения» вновь обратился А. Г. Макаров (кандидат физико-математических наук). Выяснилось, что книжная продукция растёт, сообщество историков распадается, читательский интерес к академическим исследованиям снижается (С. 966–967). Видимо поэтому самодельный историк «нашёл тему», занявшись опровержением авторства «Тихого Дона».

Создаётся впечатление, что многие авторы сборника нашли шанс «показать себя». Примечательна в этом смысле статья И. Чечель «Мифы и “реальность” истории: об одной тенденции в новейшей историографии». В центре её рассуждения о «здоровом смысле нашего времени», якобы, возведённом нынешней историографией в ранг методологии (С. 499). Разобраться в интенциях автора трудно, но можно. Похоже, постмодернизм

оказал громадную услугу любителям «половить рыбу в мутной воде». Если всё относительно, если нет грани между реальностью и вымыслом, если ценности и смыслы девальвированы, то историку остается одно – «заявить о себе». «Своё слово» достоин произнести всякий. Профан вправе комментировать что угодно и кого угодно (загляни в Интернет). В этих условиях претенциозная вычурность сойдет за рафинированную ученость – «аналитический дискурс».

На мой взгляд, это тот случай, когда историографический нарциссизм перерастает в подобие беллетристического эксгибиционизма. Не ясно, что хотела сказать и, тем более, доказать И. Чечель. Думаю, ей просто хотелось явить миру себя, «особенную». Впрочем, над её стараниями уже поиронизировали¹¹. Увы, подобный показушный стиль заметен и в других статьях, хотя их авторы не столь удручены судьбой российской Клио и не столь словесно изысканы, как автор.

Встречаются и узнаваемые авторы, способные до бесконечности «осваивать» одну идею. Е. Котеленец («Ленин и ленинизм: без предвзятости») разрабатывает «лениниану» долгие годы¹². За это время

¹¹ См.: Российская история. 2013. № 1. С. 5–6, 13, 30–31.

Rossiiskaya istoriya, 2013, № 1. S. 5–6, 13, 30–31.

¹² См.: Котеленец Е. А. В. И. Ленин как предмет исторического исследования. Новейшая историография. М., 1999; *Её же*. «Харизматический властный союз». Новейшие исследования о Ленине и его политическом окружении (АИРО –

можно было написать полноценную биографию Ленина, но, как видно, проще рассказывать, как писали другие. Поражает то, что автор ставит в один ряд и серьёзных (как бы ни относиться к их выводам) исследователей и самодельных «энтузиастов», движимых подчас не вполне здоровыми эмоциями. Разумеется, последних нельзя забывать: трудно найти лучшего примера тому, как ментальная смута прошлого сказывается на психопатологии восприятия её ключевых фигур в наши дни. Скажем, в 1995 г. популярная газета рассказала, как одни и те же актёры до перестройки и после совершенно по-разному играли Ленина¹³. В 1999 г. в статье «Люди и мумии» говорилось, что факту культовой мумификации вождя не стоит удивляться: миф об умирающем и воскресающем божете существовал в любой религии. Не удивительно, что в смутные времена этот миф возрождается – значительная часть современного российского общества с помощью *mass media* питается «неоязыческими куклами, идолами и кумирами»¹⁴. Если так, то как же без Ленина?

научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века. Вып. 8). М., 2000.

Kotelenets E. A., *V. I. Lenin kak predmet istoricheskogo issledovaniya. Noveishaya istoriografiya*. М., 1999; Kotelenets E. A., «*Kharizmaticheskii vlastnyi soyuz*». *Noveishie issledovaniya o Lenine i ego politicheskom okruzenii (AIRO – nauchnye doklady i diskussii. Temy dlya XXI veka. Вып. 8)*, М., 2000.

¹³ Аргументы и факты. 1995. № 16. С. 8.

Argumenty i fakty, 1995, № 16, S. 8.

¹⁴ Вечерняя Москва. 1999. 18 января.

Российскому историографу следовало бы также принимать, как должное, крайнюю перегруженность нашего исторического сознания «благородными» эмоциями. Особенно заметно это у историков-любителей. Так, в 2003 г. к очередному дню рождения вождя некая С. Самodelкина возмущалась тем, что «самый человечный человек выплачивал убийцам премии по 100 тысяч рублей» и называл русских не вполне приличным словом¹⁵. К слову сказать, такие деньги никогда выплачивались, а столь нелестно Ленин обычно высказывался не обо всей нации, а о русской интеллигенции. При этом он был совершенно не оригинален. Усилия Котеленец непредвзято взглянуть в фигуру Ленина, безусловно, заслуживают похвал. Но всё же следовало бы отделять «историографические психозы» (к ним отдельное внимание) от собственно исторической науки.

Не забыли авторы и фигуру И. В. Сталина. Примечательно, что Е. В. Суровцева в статье с примечательным названием «Сталин и сталинизм: “хождение по мукам”» начинает с «трудностей» его оценки. Вероятно, чтобы избежать их, она фактически ограничилась перечнем (занимает более половины текста) сталинских тем и соответствующих книг (С. 1063–1096). Примечательно, что сочинения апологетов «вождя» ничуть не под-

---

Vechernyaya Moskva, 1999, 18 yanvarya.

¹⁵ См.: Московский комсомолец. 2003. 22 апреля.

Moskovskii komsomolets, 2003, 22 aprelya.

вергаются критике, а симпатия к «сильной руке» проскальзывают в заключительной фразе статьи: нынешняя власть «должна выполнять свои собственные функции по соблюдению государственного порядка» (С. 1078–1079).

Большинство собственно историографических статей 2003–2012 гг. всё же содержательнее бесконечных всхлипываний о судьбах исторической науки. Так, из статьи И. Б. Беловой и И. Н. Гребёнкина «Первая мировая: великая забытая война» (С. 1097–1123), вопреки названию, следует, что война не была такой уж «забытой», как это стараются представить нынешние историографы. Образ «потерянного» события понадобился им ради того, чтобы воздвигнуть на месте бывших представлений о войне империй «вдохновляющий» образ «украденной победы». Нынешние конспирологи сознательно замалчивают исследования прошлых лет.

А. В. Посадский в статье «Гражданская война: новый взгляд» (С. 1124–1134) попытался систематизировать варианты восприятия её непосредственными наблюдателями. Среди них такие экзотические интерпретации, как «битва Европы с Азией», «Космос цивилизации против Хаоса вечной степи...», «борьба красного и голубого масонства», «борьба соли земли, лучших против Хама, Числа, массы». Чего не взбрёт в голову с перепугу! Вероятно, и здесь следовало отделить профессиональных историков от прошлых и нынешних графоманов.

А. Г. Тепляков в статье «Эпоха репрессий: субъекты и объекты» отмечает усиление (в отличие от

Д. А. Андреева и В. Б. Прозорова!) в соответствующей публицистике конспирологического подхода. В результате оправдываются ложные обвинительные приговоры в организации антисоветских заговоров, берутся на веру всевозможные фальшивки, призванные оправдать репрессии (С. 1136, 1139–1140). Автор склонен связывать обилие таких поделок с закрытостью архивов (С. 1159). Вряд ли этого объяснения достаточно. Необходим более широкий взгляд на репрессии. Они вытекали из всеобщих страхов: власть опасалась народа, народ боялся власти; склонность к паранойе была обусловлена тупиком, в который уперлись планы «построения социализма в одной, отдельно взятой стране».

Значительное место в сборнике отводится военной теме. М. И. Мельтюхов концентрируется на предыстории Великой Отечественной войны, Б. В. Соколов выявляет новые ракурсы и проблемы Второй мировой войны. П. В. Акульшин и И. Н. Гребёнкин, взявшись оценить место военной истории в современных исследованиях, решили никого не обижать (С. 1309–1328) – и все вместе идут верной дорогой. Однако предугадать, что военная история вновь станет ключевой в патриотическом воспитании, им не удалось.

К сожалению, немногие авторы сборника продемонстрировали способность разглядеть *mainstream*'ы историографического процесса. В самых затертых исторической памятью событиях историк способен разглядеть то, что рано или поздно вновь напомнит о себе. Но для того, чтобы добраться до «двойного

дна» знакомого, казалось бы, прошлого, ему лучше забыть о легкомысленных запросах современности. Этого большинству авторов сборника не удалось. Отсюда дух неуверенного дилетантизма, которым веет от него.

Завершает издание раздел о «методах и моделях познания». Под этим многообещающим заглавием собраны и устная, и визуальная история, и опыт изучения «феномена “советского”». При этом авторам словно невдомек, что визуальная история – это не просто «картинки», а умение видеть культурную среду *того* времени, что требует владения искусством герменевтики. Так называемая устная история – это не просто непривычные тексты, а «язык» особого времени и среды, позволяющий прочувствовать «дух» эпохи. А склонности к этому у большинства отечественных авторов, тянущихся за модными приемами, нет и в помине. Незаметен сам термин – герменевтика, зато много сказано о всевозможных методиках, словно способных подменить её. Зато заметно стремление выдать желаемое за действительное. Так, разбирая телевизионные баталии о «советском», В. А. Сомов «подметил» наличие «конструктивной дискуссии ученых различных направлений по ряду ключевых вопросов, относящихся к предмету исследования» (С. 1417). Интересно, кто согласится с этим выводом сегодня? Примечательно также, что Е. И. Щербакова весьма сочувственно отнеслась к фильму о Тихона (Шевкунова) «Византия» (С. 1393),

посвящённой апологетике православной «стабильности».

Как видно, не случайно, в концовку сборника поставлена статья нижегородских историков А. А. Кузнецова и А. Н. Маслова о «диктатуре юбилеев». Текст интересен по содержанию, но авторы почему-то сорвались на восхваления в адрес Г. Бордюгова, якобы доблестно воюющего с лакеями от исторической науки (С. 1429, 1450). Звучит странно: ибо сам Бордюгов никогда ни с кем открыто не воевал.

Конечно, сборник небесполезен. Но создаётся впечатление, что он задуман вовсе не для того, чтобы в него вчитывались. Важнее другое.

Любое издание АИРО сопровождается перечнем опубликованных им трудов, которых с 1993 г. набралось почти 300. В основном это не книги, а брошюры «под редакцией Геннадия Бордюгова». Встречаются содержательные тексты, но преобладает тусклая продукция. Это усугубляется и отсутствием приличного редактирования, и дурным полиграфическим исполнением. Всё это чем-то напоминает деятельность некоторых западных «издательств», штампующих «монографии» (обычно диссертации) любых российских авторов. Примечательно, что Бордюгов самое крупное своё произведение некогда опубликовал в издательстве «Дмитрий Буланин». Состояла эта книга преимущественно из кратких предисловий к им же задуманным сборникам, причём, обычно сочинённых в соавторст-

ве¹⁶. Зато книга вышла точно к юбилею автора.

Бордюгов настойчиво старается – рецензируемая работа лишь часть этих усилий – в компании с кем угодно учить, как следует писать историю. К примеру, в 1999 г. совместно с В. М. Бухараевым он опубликовал книгу «Национальные истории в революциях и конфликтах советской эпохи» в претенциозно звучащей серии «АИРО – научные доклады и дискуссии: темы для XXI века». В 2011 г. появилась их «новая» книга «Вчерашнее завтра: как “национальные” истории писались в СССР и как пишутся теперь» – теперь уже в новой серии «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ». Воспользовавшись Интернетом, нетрудно установить, что идет «развитие» темы кандидатской диссертации Бухараева, защищённой в 1979 г.

Должно быть, очень хочется Бордюгову выступить в роли советника сильных мира сего. Так, вместе с Андреевым он в своё время «предупредил» президента В. В. Путина о том, что «очередная попытка неэффективной мобилизации» может привести к тому, что «подняться после мутации такой мобилизации в стагнационную модернизацию Россия уже не сможет»¹⁷. Сильно сказано, но этот перл почему-то встретили иронич-

но¹⁸. Постоянно, без ложной скромности, перечисляя положительные рецензии на книги АИРО¹⁹, составитель, конечно, пропустил этот отзыв.

В своё время Ключевский назвал книги «главными биографическими фактами в жизни учёного». В данном случае научная биография Бордюгова складывается из череды мелких публикаций – обычно в соавторстве. Так, в 2004 г. он совместно с Андреевым сочинил «краткий курс»: «Пространство власти от Владимира Святого до Владимира Путина», а в 2005 г. они же выпустили книжку «Пространство памяти: Великая победа и власть». Не удивительно, что в 2010 г. Бордюгов опубликовал собственный труд «Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти», а в 2011 г. – «”Войны памяти” на постсоветском пространстве»? После этого В. Э. Молодяков назвал его «пионером советского “юбилееведе-

¹⁸ См.: Pro et Contra. 2004. Vol. 31. No. 1. P. 108–114.

¹⁹ См.: Бордюгов Г. А., Ушаков А. И. Поиски альтернативных структур в исторической науке. АИРО-XX: издательским программам 5 лет. Справочное издание. М., 1998; Бордюгов Г. А., Ушаков А. И. Развитие альтернативных структур в исторической науке. АИРО-XX: издательским программам и научным проектам 10 лет. М., 2002.

Bordyugov G. A., Ushakov A. I., *Poiski al'ternativnykh struktur v istoricheskoi nauke. AIRO-XX: izdatel'skim programmam 5 let. Spravochnoe izdanie.* М., 1998; Bordyugov G. A., Ushakov A. I., *Razvitie al'ternativnykh struktur v istoricheskoi nauke. AIRO-KhKh: izdatel'skim programmam i nauchnym proektam 10 let,* М., 2002.

¹⁶ Бордюгов Г. А. Чрезвычайный век российской истории: четыре фрагмента. СПб., 2004.

Bordyugov G. A., *Chrezvychainyi vek rossiiskoi istorii: chetyre fragmenta,* SPb., 2004.

¹⁷ Там же. С. 35.

Ibid, S. 35.

ния»» (С. 931). Интересно в наше время создаются биографии!

Бордюгов постоянно подхватывает то темы, то авторов. Лично я не удивился, заметив в одной из его статей буквальное воспроизведение моего текста²⁰. Мелочь? Да нет, стиль! Бордюгов планомерно приватизирует не только чужие слова и метафоры, но и мысли и идеи. Конечно, этим грешат сегодня многие авторы, но иные из них выглядят виртуозами.

Очень любит Бордюгов «сериалы». И не беда что на иную серию достойного количества книг не набирается, зато как звучит! Есть у АИРО, к примеру, серия «Первая публикация в России», предполагающая, что тем самым впервые состоится представление зарубежного автора. И вышла в этой серии книга А. Рабиновича «Большевики у власти»²¹. Но как понять: то ли книга впервые публикуется, то ли

²⁰ Ср.: Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 122; Бордюгов Г. А. Праздник угнетенных или социальная болезнь? Памятка ревнителям революции и «чрезвычайщины» // Политический класс. 2005. № 1. С. 18.

Buldaikov V. P., *Krasnaya smuta. Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya*, М., 1997, S. 122; Boryugov G. A., *Prazdnik ugnetennykh ili sotsial'naya bolez'n? Pamyatka revnitelyam revolyutsii i «chrezvychaishchiny»*, Politicheskii klass, 2005, № 1, S. 18.

²¹ Рабинович А. Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде («АИРО – первая публикация в России»). М., 2007.

Rabinovich A., *Bol'sheviki u vlasti. Pervyi god sovetskoi epokhi v Petrograde («AIRO – pervaya publikatsiya v Rossii»)*, М., 2007.

её автор? А между тем известнейший американский советолог до АИРО издавался в России 20 раз!²²

Признаюсь, я не стал бы рецензировать данный претенциозный, но скучноватый опус, если бы не обстоятельство личного характера. Имеется в виду, прежде всего, «благодарность» мне лично за вклад в «разработку концепции» сборника. Порвав отношения с Г. Бордюговым по причинам этического характера ещё в прошлом тысячелетии, я не только не мог участвовать в создании сомнительной, на мой взгляд, «концепции», но и не давал согласия на публикацию собственной статьи 18-летней давности. Конечно, мне нечего стыдиться написанного. Но публиковать тексты без разрешения автора все же не принято. То же самое Бордюгов проделал и с другими коллегами, также порвавшими с ним. Может он считает, что облагодетельствовал их? Лично я в мемориальных изданиях собственных работ не нуждаюсь. Естественно, не несу ни малейшей ответственности за «концепцию» данной книги.

Но даже и это «мелочь». А вот как можно было опубликовать статью покойного С. А. Павлюченкова (работы которого, кстати сказать, остаются устойчиво востребован-

²² См.: Александр Рабинович – американский историк русской революции. Очерки и библиографический указатель. СПб., 2015. С. 78–82.

Aleksandr Rabinovich – amerikanskii istorik russkoi revolyutsii. Ocherki i bibliograficheskii ukazatel', SPb., 2015, S. 78–82

ными), откровенно не признававшего «аировскую» деятельность?

В наше время очень многим хочется «не быть, а казаться». Научная карьера Бордюгова примечательна. Выпускник Высшей комсомольской школы некоторое время работал (и небезуспешно!) в Институте российской истории РАН, но в годы перестройки перешёл в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Затем моментально, к изумлению коллег, сбежал из него в день появления небезызвестного ГКЧП²³. С тех пор Бордюгов гордо позиционирует себя руководителем исследовательских программ АИРО. Некоторые воспринимают его затеи всерьёз. А потому он ухитряется приближать к себе наивных или не уверенных в себе (в основном провинциальных) авторов и затягивать их в показушные проекты, призванные подтвердить кипучую деятельность «мощного» коллектива. Симпатии общественности поддерживаются публикацией в АИРО библиографий трудов некоторых известных историков. Лесть – фирменное средство. Отсюда и участие отдельных ярких авторов в сборниках, подобных рецензируемому.

Заметно, что, рекламируя «альтернативный» характер собственных изданий, Бордюгов пытается незаметно принизить продукцию академических институтов (в том числе и с невольной помощью их сотрудников). Однако со временем количество профессиональных ав-

торов в аировских изданиях поубавилось, зато всё больше историков-любителей.

Очень хочется Бордюгову предстать корифеем и дабы подкрепить весомость своих суждений, пытается предстать «лидером направления». Скажем, недавно Бордюгов выступил рецензентом сборника «Сталинизм и крестьянство», назвав свой текст как-то двусмысленно: «Вне поля аграрной истории, за пределами крестьяноведения». Напомнив, что в перестроечные времена сообщества, «никогда не имевшие серьезной системной поддержки в академических и государственных структурах, побуждаемые любознательностью и энтузиазмом, продвигали отечественную историческую науку от проблемы к проблеме» (намек на АИРО), он заключил, что рецензируемый проект обеспечил себе «половину строчки в историографии». Ловко людей унижил, не правда ли? А вдобавок бросил в их адрес замечание о том, что их старания – повторение пройденного 20 лет назад²⁴. В данном случае уже не важно, каково реальное качество рецензируемого текста. Каков рецензент!

Трудно поверить, что Г. Бордюгова действительно волнуют проблемы исторической науки. А потому данное коллективное предприятие – своего рода массивный памятник мелкому тщеславию одного человека. И чего бы ни пытались сказать его авторы, их участие в нем ничего кроме недоумения и огорчения не вызывает.

²³ Шелохаев В. В. Прощание с прошлым. М., 1997. С. 221.

Shelokhaev V. V., *Proshchaniye s proshlym*, М., 1997, S. 221.

²⁴ Российская история. 2015. № 4. С. 189, 191.

Список литературы:

1. *Актон Э., Розенберг У. Г., Черняев В. Ю.* Критический словарь русской революции: 1914 – 1921. СПб.: Нестор-История, 2014. – 768 с.
2. Александр Рабинович – американский историк русской революции. Очерки и библиографический указатель. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2015. – 85 с.
3. *Бабкин М. А.* Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г.). М.: Гос. публичная ист. б-ка России, 2007. – 530 с.
4. *Бордюгов Г. А.* Чрезвычайный век российской истории: четыре фрагмента. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. – 422 с.
5. *Бордюгов Г. А., Козлов В. А.* История и конъюнктура: Субъективные заметки об истории советского общества. М.: Политиздат, 1992. – 355 с.
6. *Котеленец Е. А.* В. И. Ленин как предмет исторического исследования. Новейшая историография. М.: Изд-во РУДН, 1999. – 222 с.
7. *Котеленец Е. А.* «Харизматический властный союз». Новейшие исследования о Ленине и его политическом окружении (АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века. Вып. 8) М.: АИРО-XX, 2000. – 70 с.
8. *Леонтьева Т. Г.* Вера и прогресс: Православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М.: Новый хронограф, 2002. – 272 с.
9. *Никонов В. А.* Крушение России. 1917. М.: АСТ, Астрель, Харвест, 2011. – 932 с.
10. *Рейли Д.* Советские бэйби-бумеры. Послевоенное поколение рассказывает о себе и о своей стране. М., 2015. – 544.
11. *Шелохаев В.В.* Прощание с прошлым. М.: РОССПЭН, 1997. – 303 с.

HISTORIOGRAPHICAL SHOW. NOTES ON THE BOOK “BETWEEN THE VIGILS. HISTORICAL RESEARCH IN RUSSIA IN THE LAST 25 YEARS” (ED. BY G. A. BORDYUGOV. M.: AIRO–XXI, 2013. – 1520 PP. 1000 COPIES)

V. P. Buldakov

Russian Academy of Sciences, the Institute of Russian History, *Moscow, Russia*

The review shows how a large collection of historiographical articles has turned into an advertising campaign non existing community of Russian historians. In this volume were collected three books published earlier. As a result the whole volume turned to a disordered medley of the few substantial and prevailing weak articles. Generally, the book mixes the work of professional historians and amateurs “mysteries of history”. However, the editor of the collection tried on this shaky basis to deduce some regularity of development of historical science, histori-

cal consciousness and historical mythology in modern Russia. These efforts should be recognized as unsuccessful, since the majority of authors did not have adequate training for such kind of project. Successful may be named only a separate articles.

Keywords: Russian history, power, historical consciousness, historiography, mythology, conspiracy theories, book publishing.

References

- Akton E., Rozenberg U. G., Chernyaev V. Yu., *Kriticheskii slovar' russkoi revolyutsii: 1914 – 1921*, SPb., Nestor-Istoriya, 2014. – 768 s.
- Aleksandr Rabinovich – amerikanskii istorik russkoi revolyutsii. Ocherki i bibliograficheskii ukazatel', SPb., Izd-vo Evropeiskogo un-ta, 2015. – 85 s.
- Babkin M. A., *Dukhovenstvo Russkoi pravoslavnoi tserkvi i sverzhenie monarkhii (nachalo XX v. – konets 1917 g.)*, M., Gos. publichnaya ist. b-ka Rossii, 2007. – 530 s.
- Bordyugov G. A., *Chrezvychainyi vek rossiiskoi istorii: chetyre fragmenta*, SPb., Dmitrii Bulanin, 2004. – 422 s.
- Bordyugov G. A., Kozlov V. A., *Istoriya i kon'yunktura: Sub"ektivnye zametki ob istorii sovetskogo obshchestva*, M., Politizdat, 1992. – 355 s.
- Kotelenets E. A., *V. I. Lenin kak predmet istoricheskogo issledovaniya. Noveishaya istoriografiya*, M., Izd-vo RUDN, 1999. – 222 s.
- Kotelenets E. A., «Kharizmaticheskii vlastnyi soyuz». *Noveishie issledovaniya o Lenine i ego politicheskom okruzhenii (AIRO – nauchnye doklady i diskussii. Temy dlya KhKhI veka. Vyp. 8)*, M., AIRO-XX, 2000. – 70 s.
- Leont'eva T. G., *Vera i progress: Pravoslavnoe sel'skoe dukhovenstvo Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.*, M., Novyi khronograf, 2002. – 272 s.
- Nikonov V. A., *Krushenie Rossii. 1917*, M., AST, Astrel', Kharvest, 2011. – 932 s.
- Reili D., *Sovetskie beibi-bumery. Poslevoennoe pokolenie rasskazy-vaet o sebe i o svoei strane*, M., 2015. – 544.
- Shelokhaev V. V., *Proshchanie s proshlym*, M., ROSSPEN, 1997. – 303 s.
- Статья поступила в редакцию 16.04.2016 г.*